

в антимире в «Оза», проигрывается возможность другого мира, Ворон Эдгара По говорит герою вместо «Nevermore» — «А на фига?», в ресторане мир зависает в зеркальном отражении вверх ногами. Поэма появилась в журнале «Молодая гвардия», вызвав недоумение и негодование советской критики.

Поэт испытывает **«Ностальгию по настоящему»** (так называется стихотворение), его радует запоздалое пришествие Корбюзье: «Автопортрет мой, реторта неона, апостол небесных ворот —/ Аэропорт!» (**«Ночной аэропорт в Нью-Йорке»**, 1961). Он открывает свою Америку и находит в ней неожиданное родство с Россией: «Сан-Франциско — это Коломенское. / Это свет посреди холма. / Высота, как глоток колодезный, / холодна» (**«Сан-Франциско — Коломенское...»**, 1961). Пожалуй, именно в поэзии Вознесенского осуществилась мечта футуристов запечатлеть мир не в статике, а в движении: «Завораживаемая, манежа, / свищет женщина по манежу! / ... / Мчит торпедой горизонтальною, / хризантему заткнув за талию!» (стихотворение **«Мотогонки по вертикальной стене»**). Он — творец словесных пейзажей и натюрмортов, до сих пор не нашедших адекватного воплощения даже в живописи конца XX в.: «Сирень прощается, сирень — как лыжница, / Сирень как пудель мне в щеки лижется! / Сирень заревана, / сирень — царевна, / Сирень пылает ацетиленом!» (**«Сирень “Москва — Варшава”**», 1961).

Понять поэзию Вознесенского значит расширить сферу своего зрительного, слухового и смыслового видения. Рок-н-ролл, запрещенный в России и с трудом принятый Америкой, словно специально создан для ритмов его поэзии: «Рок- / н- / ролл- / об стенку сандалии! / Ром / в рот- / лица как неон. / Ревет / музыка скандальная, / труба / пляшет, как питон!» (стих. **«Отступление в ритме рок-н-ролла»**). Он по праву унаследовал от Пастернака молодежную аудиторию Политехнического музея, где публика радостно приветствовала новые незнакомые ритмы и причудливые образы: «Но где б я ни был — в земле, на Ганге - / ко мне прислушивается / магически / гудящей / раковиную / гиганта / ухо / Политехнического!» (стихотворение **«Прощание с Политехническим»**). Рев эстрады и урбанистический гул аэродромов и городов сочетается у поэта с поиском внутренней тишины и почти иконной гармонии: «Мимо санатория / Реют мотороллеры. // За рулем влюбленные — / Как ангелы рублевские» (**«Рублевское шоссе»**). «Я сослан в себя, / я — Михайловское» — вот наиболее адекватное выражение внутреннего затворничества поэта.

Вознесенского печатают, — но постоянно демонстрируют неприятие. На улицах советских городов висят плакаты, где сборник «Треугольная груша» выметается поганой метлой, как мусор. «Травят зайца. Несутся суки. / Травля! Травля! Сквозь лай и гам» (**«Охота на зайца»**, 1963). Поэт стремится к обретению новых степеней свободы поэтической речи. Традиционный язык отстает от ритмов и скоростей постиндустриального мира. Звук обретает мощь звериного рыка: «Развяжи мне язык, Муза огненных азбукищ. / Время рев испытать» (**«Осеннее вступление»**).

В 1970 Вознесенский закончил поэму **«Авось»**, легшую в основу популярной рок-оперы ««Юнона» и «Авось»» на музыку А. Рыбникова в постановке Театра им. Ленинского комсомола в Москве. Романтическая история любви русского путешественника и дочери губернатора Аляски в XVIII веке неожиданно сблизила Америку и Россию в 70-х годах XX века. Вознесенский все чаще напоминает читателям СССР о том, что мир не замыкается на России. Космополитические идеалы мирового гражданства перешли от Пушкина к Маяковскому, от Маяковского к Вознесенскому: «Не Иегова, не Иисусе, / ах, Марк Захарович, нарисуйте / непобедимо синий завет — / Небом Единым Жив Человек» (**«Васильки Шагала»**). Среди заметных произведений Вознесенского 60—70-х также — поэмы **«Лонжюмо»** (1963, о Ленине), **«Лед 69»** (1970), **«Повесть под парусами»** (1971), **«Вечное мясо»** (1978), **«Андрей Полисадов»** (1980), сборники стихов **«Ахиллесово сердце»** (1966), **«Тень звука»** (1972), **«Взгляд»** (1972), **«Дубовый лист виолончельный»** (1975).

В 1975 поэт пишет свод сонетов с подзаголовком **«Мой Микельанджело»**.

Творец земной и Творец небесный — главная тема цикла. По сути дела, речь идет об отношениях между Человеком и Богом. «Я — молот, направляемый Творцом» («Творчество»).

В 1982 Вознесенский написал статью-манифест «Архистихи», провозгласив равенство между звуком и изображением в поэзии, — тезис, подкрепленный примерами и собственного творчества поэта, стремящегося соединить художественную выразительность слова и его графического изображения.

В 1982–1983 поэт пишет произведение под названием «О» с примечательным подзаголовком «Рифмы прозы». Продолжая традиции А. Белого и позднего В. Катаева, Вознесенский создает новый жанр прозы, подчиненный единому абрису и звучанию буквы О. В 1980 публикует книгу воспоминаний «Мне четырнадцать лет», в 1984 — книгу размышлений «Прорабы духа».

Гражданская позиция поэта во все времена была неизменной: защита прав человека, неприятие и резкое осуждение всех видов ксенофобии и антисемитизма. Полностью этим проблемам посвящена книга «Ров» (1980). В ней отразилось потрясение поэта после посещения в Крыму оскверненных мародерами братских могил евреев, расстрелянных фашистами во время оккупации Крыма. Вопреки мифу об «исписавшемся» Вознесенском, именно в 1980-е поэт подходит к новому жанру «видеом», где изображение неотделимо от звука. Первая видеома «Поэтарх» (1986) была создана для Парижской выставки. Золотой шар на голубом фоне неба, от него вверх тянутся золотые нити с буквами алфавита. К началу 1990-х видеомы занимают ведущее место в поэзии Вознесенского. Большую популярность обрела видеома «Как найти в МоСКВе СКВ?», раскрывающая время безудержной инфляции и реформ. Не менее эмблематична видеома-манифест «РОССИЯ — POESIA»: «Снежинки веки засорили, / а может зрение прорезали? / Я в начертании “Россия” / прочел латинское “Poesia”». Одновременно поэт открывает для себя бесконечные возможности анаграммы: Маяковский — я космос, осы Осипа Мандельштама, и трагическое, памяти убитого священника А. Меня — «А. Мень — А. Мень нем».

С приходом свободы появляется возможность для поэтического уличного перформанса. В 1993 Вознесенский устанавливает в Неждановском переулке Москвы скульптуру пасхального яйца. В газете «Известия» печатается его «бесконечный сонет» «Россия воскресе». Коллаж, анаграмма, видеома, палиндромная рифма, классический сонет, бурлеск, молитвенный и литургический стих — такова богатейшая инструментовка поэмы. Вознесенский на взлете своего творчества. Издательство «Аргументы и факты» выпустило его новый поэтический альбом «Книга гаданий» (1995), продолжающий традиции древнекитайской книги гаданий «Ицзин».

Вознесенский принципиально не примыкает ни к одной из модных эстетических школ. Он справедливо считает, что постмодернизм и концептуализм в России при всей своей культурной значимости далеки от достижений русской поэзии. Его сегодняшняя поэзия пронизана редкой эстетической цельностью, поисками мирового поэтического языка, понятного без перевода всем народам. Главные лейтмотивы — словесные мосты между народами и временами: Россия и Америка, Россия и Франция, Россия и Пастернак, Россия и Маяковский, Россия и Поэзия, Россия и весь мир.

После И. Эренбурга Вознесенский стал неофициальным «полпредом» европейской и американской культуры в России. Его статьи-эссе о Пикассо, Дали, Шагале, Раушенберге — своеобразные манифесты, связующие живопись и поэзию. Это эссе-видеомы, после которых совершенно по-новому воспринимаются давно знакомые миру шедевры живописи. Вознесенский — поэт мысли, поэт-архитектор, поэт звука, поэт коллажа. Он — футурист, авангардист. Все это утверждали исследователи его творчества, и все это верно. Впрочем, раньше чаще звучали обвинения в трюкачестве, холодности, формализме, избыточной усложненности, эстрадной публицистичности, наконец, в конформизме. Последнее, наиболее изощренное обвинение, связано с некорректным пере-

---

несением правил литературного этикета 1950–80-х на нынешние времена абсолютно бесцензурной свободы. Вознесенский — лауреат Государственной премии СССР (1978; за поэму «**Витражных дел мастер**»), награжден орденом Трудового Красного Знамени (1983), почетный член Баварской Академии и Американской Академии искусств, почетный член Гонкуровской Академии и Академии Малларме, действительный член Российской Академии образования (1994).